

Без названия

На полузаброшенной мансарде стояла девушка, её выющиеся волосы падали на лицо и плечи, а голубые глаза светились теплом. Прямо перед ней была картина, почти белый холст, на котором пока лишь смутно рисовался облик человека.

Моник склонила голову на бок. Картина казалась ей уже неправильной и сколько бы она не пыталась закрыть на это глаза, тревога только нарастала. Художница взяла ярко-пурпурный цвет и перекрыла им холст, разбрызгав немного краски по деревянным стенам. Контраст был хорошо виден даже с таким убогим освещением, которым служили две свечи, выставленные по краям будущей картины, а в окна изредка заглядывала жёлтая луна, показываясь из-за облаков.

На ярком фоне вскоре снова начал вырисовываться силуэт. Моник знала каждый изгиб его тела, каждую морщинку возле глаз и около рта, каждую родинку... Ей не нужен был натурщик, чтобы рисовать именно так, как она видела его каждый день. Он всегда был донельзя прекрасен и взгляд Моник всегда был обращён на него.

Когда “манекен” был закончен, девушка вновь присмотрелась к рисунку. Теперь нужные пропорции были подобраны, но оставалась одежда, выбрать которую было сложновато: Моник видела Филеаса и в халате в Шотландскую клеточку, и в дорогом костюме, и в небрежно одетой рубашке, не заправленной в брюки. На раздумья ушло не более тридцати пяти секунд, ведь она, перебрав все варианты, остановилась на том варианте, что называла “вид великого изобретателя”. Филеас в такие моменты всегда выглядел вдохновлённым, а Моник была просто счастлива находиться с ним, наблюдая за яркими, свежими эмоциями на его лице. Они были идеальны для её взгляда художника. Изображать их она хотела, но раз за разом старалась избегать такой возможности, ведь не желала хоть на малую долю исказить их. В этот раз было по-другому. Хоть она и до сих пор несколько не была

уверена в своих силах, но готова была до рассвета мучить холст, лишь бы вышло так, как она хотела.

Вышло немного иначе. Моник нарисовала одежду, перекрыв фигуру ей, а после, принявшись за лицо, тяжело вздохнула, даже не зная, сколько попыток ей придётся предпринять, чтобы выразить так, как ей хочется. Но, тем не менее, справилась она за две, перерисовать пришлось лишь коварные глаза, которые сразу не захотели получаться одинаковыми, но Моник была чудесной художницей и сама кисть подчинялась ей, словно перо поэту или молния Зевсу.

Время было позднее, но девушка не желала спать, сон просто не шёл к ней. Задув свечи, она, держа наперевес свою картину, спустилась по хлипкой, неустойчивой лестнице и тихо пробежала в гостиную, чтобы оставить там свой подарок. На кресле была приготовлена большая простыня, которой Моник накрыла картину для того, чтобы та не сразу бросалась в глаза. Всё-таки, это был сюрприз, подарок на день рождения, и Моник хотела преподнести его мужу так, чтобы вызывать у него хоть какое-нибудь яркие эмоции. Она знала, что он не любит искусство, не любит картины и живопись, но ведь ему нравилось то, что она рисовала с самого дня их странного знакомства, разве нет?

Да, Моник немало волновалась, но думала, что её подарок мог бы показать то, что она ощущала при одном только взгляде на Филеаса, однако не была уверена в правильности. Она решила не думать о том, что её муж мог бы запросто оказаться недоволен подарком, но совсем изъять из себя подобные мысли не могла. Никак.

Часы показывали три часа утра. Моник нахмурилась, ведь, хотя у Филеаса и был выходной, проснуться он мог и в восемь, и даже в шесть, а девушке хотелось быть завтра бодрой, чтобы дарить всю себя любимому человеку, а не смотреть в стену и пытаться вспомнить, как думать. Хотя, конечно, бывало и похуже, когда Моник не могла оторваться от новой волны вдохновения и сутки напролёт забывала спать, есть и пить. Филеас всегда приносил ей что-нибудь, чтобы она хоть немного поела, но не мешал, ожидая, пока девушка завершит свою работу.

Как-то он попытался остановить её, а она на следующий день просто сожгла холст, понимая, что уже никогда не завершит его. После того случая он не трогал Моник, разрешая ей творить сколько угодно, но заботился по мере возможностей.

Оказавшись на постели, Моник сразу закуталась в одеяло, согреваясь после ледяного ветра, который окружал её на мансарде. Девушка была в одном только лёгком платье с кружевными рукавами и даже переодеть его не хотела - боялась, что от холода окоченеет. Так и легла в нём, шурша тканью подола и прижимаясь холодной спиной к супругу, руки которого сразу обхватили её, прижимая ближе. Идиллия наступила мгновенно и Моник провалилась в беспокойный сон, надеясь встать как можно раньше.

**

Моник открыла глаза, мягкие солнечные лучи били прямо в её лицо, заставляя нелепо щуриться. Она сразу почувствовала, что Филеаса уже нет на кровати, и это заставило её быстро сесть, скинув с ног одеяло. Потянувшись, Моник зевнула и проморгалась, чтобы глаза не болели, а после встала, направляясь в сторону кухни. Филеас качался в кресле, попивая ароматный кофе, запах которого наполнял комнату целиком.

— Доброе утро, Моник, - тепло улыбнулся Филеас, смотря на супругу. - Я бы не советовал тебе спать в платьях, ведь, хоть ты и прекрасна, таким образом ты можешь изрядно подпортить своё здоровье.

— Доброе, Филеас, - девушка одарила его светлой, яркой улыбкой, не имея возможности сдержать её, - с днём рождения! - Она немного потупила взгляд, подошла ближе и мягко коснулась своими губами губ супруга, утягивая того в нежный, успокаивающий поцелуй.

— Спасибо, - Филеас поправил её волосы, убрав прядь за ухо. Моник немного смутилась, ведь подобные жесты до сих пор могли ввести её в некий ступор, но она ничего с собой поделать не могла. — Садись завтракать, я всё приготовил.

– Извини, что не смогла встать раньше и сама всё приготовить.

– Не говори так, будто это - единственное, что я от тебя жду. Мне не сложно, хоть и таланта к подобному я не имею.

Моник благодарно кивнула и села за стол, наслаждаясь вкусом прекрасных вафель, которые были единственным, что умел готовить Филеас. Сдерживать улыбку у девушки не получалось, она живо представляла то, как её супруг, с совершенно сосредоточенным выражением лица, какого не бывало даже в моменты его научных расчётов, раздумывал, как правильно перемешивать тесто: по часовой стрелке или против. Это не имело особого значения, однако, отвлекаясь на такие мелкие, совершенно бессмысленные моменты, Филеас нередко оказывался весь испачкан в муке, над чем Моник не могла не посмеяться. Она любила его даже тогда, когда видела эти мелкие несовершенства.

Закончив с завтраком, девушка протянула Филеасу руку, приглашая его последовать за собой.

– Ты подготовила мне подарок? - запоздало догадался он, одарив Моник заинтересованной улыбкой.

Когда Моник стянула простыню с картины, на лице Филеаса нельзя было прочесть ни единой эмоции, казалось, будто подарок не тронул его ни капли, однако вскоре он восхищённо взглянул на супругу, чуть ли не хлопая в ладоши.

– Понравилось?

– У меня самая талантливая жена на свете, - всё так же восторженно прошептал Филеас, рассматривая переливы красок на холсте. - Я у тебя получаюсь гораздо лучше, чем я есть в жизни. Твои картины просто восхитительны. Это правда самый лучший подарок, который я только мог пожелать.

– Филеас.. - Моник выдохнула с облегчением и тепло улыбнулась. Филеас был так чудесен, что временами она ловила себя на мысли, что найти мужчину лучше просто невозможно.

Филеас включил граммофон и помещение наполнилось мелодией, которую любили они оба. Она играла в каждый важный день из жизни, и каждый раз они танцевали. На душе стало слишком тепло, Моник почувствовала, что вот-вот расплачется от эмоций, переполнявших её. Одинокая слеза скатилась по её щеке, но Филеас вытер её и чмокнул девушку в нос.

“Это будет лучший день”, - одновременно подумали супруги, кружась в привычном танце, который был настоящей традицией, полётом их любви и мягких фантазий. Пьянило точно не хуже вина.